

ПРЕРВАНЫЙ РИТУАЛ

Антония Скотт позволяет себе думать о суициде только три минуты в день.

Возможно, для кого-то три минуты — это совсем крошечный период времени.

Но только не для Антонии. Скажем так: в голове у нее немало лошадиных сил, но ум Антонии все же не двигатель спортсмена. Она способна, допустим, на обработку большого количества информации, но голова Антонии — это не компьютер.

Голова Антонии Скотт — это, скорее, джунгли. Джунгли, полные обезьян, которые непрерывно перескакивают с лианы на лиану, хватая разные предметы. Куча обезьян с кучей всяких предметов, и все они встречаются в воздухе и скалятся друг на друга.

Но за эти три минуты, пока Антония с закрытыми глазами и босыми ногами сидит по-турецки на полу, она способна вычислить:

— скорость, с которой ее тело упало бы на землю, если бы она выбросилась из ближайшего окна;

— необходимое количество миллиграммов пропософа, чтобы уснуть вечным сном;

— время и температуру, при которой произошла бы остановка сердца от гипотермии, если бы она нырнула в ледяное озеро.

Она раздумывает, каким образом достанет такое контролируемое вещество, как пропофол (подкупит одного фельдшера), а также где находится ближайшее замерзшее озеро в это время года (Лагуна Негра, Сория). О падении с высоты своей мансардной квартиры она предпочитает не думать: окошко довольно узкое, а жуткая еда из больничного кафетерия, как ей кажется, тут же откладывается на ее бедрах.

Все три минуты, пока она думает о самоубийстве,— это ее три минуты.

Они священны.

Они помогают ей не сойти с ума.

Поэтому ей совсем, совсем не нравится, когда чьи-то шаги тремя этажами ниже прерывают ее ритуал.

Это явно не кто-то из соседей: она бы узнала походку. И не курьер: сегодня воскресенье.

Как бы то ни было, Антония уверена, что этот кто-то идет за ней.

И это нравится ей еще меньше.

Часть первая

ДЖОН

— В нашей стране,— сказала Алиса, все еще тяжело дыша,— когда бежишь так быстро да еще и так долго, как мы, обязательно куда-нибудь да прибежишь.

— Какая медленная страна! — ответила Королева.— Здесь нужно мчаться со всех ног, чтобы остаться на том же самом месте. А чтобы попасть в какое-нибудь другое место, нужно мчаться как минимум в два раза быстрее.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

1

ЗАДАНИЕ

Джону Гутьерресу лестница не нравится.

И дело тут не в эстетике. Лестница старинная (здание 1901 года, как указано на входе), ступеньки скрипят, стоптаны по центру — за сто девятнадцать-то лет,— но прочны, ухожены и покрыты лаком.

Света мало, а тридцативаттные лампочки на потолке только сгущают тени. Из-за дверей на этажах доносятся иностранные слова, экзотические запахи, диковинная музыка диковинных инструментов. Ну а что ж, здесь район Лавапьес, сейчас вечер воскресенья и близится час ужина.

Не из-за этого Джона раздражает лестница: ему не привыкать бороться с предметами прошлого века (он живет с матерью), с темнотой (он гей) и с иностранными гражданами в сомнительном положении и с сомнительными доходами (он инспектор полиции).

Что действительно бесит Джона в лестнице, так это то, что по ней надо подниматься.

Чертovy старые здания, думает Джон. Негде лифт установить. В Бильбао такое и представить себе нельзя.

Джон не то чтобы толстый. По крайней мере не настолько толстый, чтобы комиссар поставил это ему в укор. У инспектора Гутьерреса туловище напоминает бочонок с прикрепленными к нему руками. А внутри —

Часть первая. ДЖОН

хоть с виду и не скажешь — мускулы *аррихасоцайле*¹. Подъем 293 килограммов — его личный рекорд, ни много ни мало, и это без особых-то тренировок, так, чисто хобби. Просто чтобы занять субботнее утро. Чтобы коллеги не докапывались из-за того, что он педик. Ведь Бильбао есть Бильбао, а полицейские есть полицейские, и у многих склад ума еще древнее, чем эти гребаные столетние лестницы, которые даются Джону с таким трудом.

Нет, Джон не настолько толстый, чтобы начальник на него ругался, да к тому же у комиссара есть причины и посерьезнее, чтобы разнести его в пух и прах. Разнести и вынести вон со службы. Вообще-то, Джон *официально* отстранен от должности с лишением жалования.

Не такой уж он и толстый, но вот ножки, на которых держится бочонок его туловища, кажутся на контрасте зубчистками. Так что, будучи в здравом уме, вряд ли кто мог бы заподозрить в Джоне особую проворность.

На четвертом этаже Джон обнаруживает чудесное изобретение предков: лестничную площадку. В углу прибитая скромная полукруглая дощечка. Джон плюхается на нее — настоящий рай. Надо восстановить дыхание, надо подготовиться к отнюдь не желанной встрече и поразмышлять над тем, какого черта он так резко оказался по уши в дерьме.

Ну и влип же я в историю, думает он.

---

¹ Участник национальных баскских соревнований по подъему тяжелых камней.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

ФЛЕШБЭК

— ...в хреновую историю, инспектор Гутьеррес,— заключает комиссар. Сам красный как рак и пыхтит, будто скороварка.

Бильбао, отделение Национальной Полиции на улице Гордонис; день до того, как Джон должен справиться с лестницей семиэтажного дома в районе Лавапьес города Мадрида. Пока что справляться приходится с серьезными правонарушениями: фальсификацией документов, подменной доказательств, препятствием правосудию и халатностью. И сроком от четырех до шести лет лишения свободы.

— Если прокурор взбесится, может и до десяти лет попросить. И ты их получишь, судья будет только рад. Полицейских-взяточников не любит никто,— говорит комиссар и хлопает ладонью по металлической поверхности стола. Они сидят в комнате допроса, а это такое место, куда никому не хочется попасть в качестве почетного гостя. Инспектору Гутьерресу достался прямо пакет «премиум»: отопление, усиленное до той комфортной температурной отметки, когда давящая жара уже грозит смертью от удушья; плюс яркий свет и пустая бутылка из-под воды в поле зрения.

— Я не взяточник,— говорит Джон, борясь с желанием ослабить галстук.— Я ни разу ни сантима себе в карман не положил.

Часть первая. ДЖОН

— А кого это на хер волнует? Ты вообще о чем думал?

А думал Джон о Дезире Гомес. Дезире, она же Деси, она же Брильос. Деси неполных девятнадцать лет, и три из них она провела на улице. Она там и бодрствует, и спит, и прорастает всей своей сущностью. *Салонная кукла, змеиные стринги*¹. И вроде бы ничего в ней такого особенного. Но некоторые из этих девушек почему-то западают тебе в сердце, и внезапно все становится песней Хоакина Сабины. Ничего серьезного. Улыбка, приглашение на кофе в шесть часов (не утра). И вот уже ты переживаешь, что ее поколачивает сутенер. И ты говоришь ему, чтобы прекратил. А он не прекращает, потому что у него в мозгах, как и в зубном ряду, деталек не хватает. И вот она тебе плачется и ты распался. И прежде чем успеваешь хоть что-то сообразить, подбрасываешь ему в машину полторы четверти герыча. Достаточно, чтобы ему дали от шести до девяти лет.

— Ни о чем я не думал,— отвечает Джон.

Комиссар проводит рукой по лицу, словно пытаясь стереть свое недоверчивое выражение. Не получается.

— И ладно еще, если бы она тебе нравилась, Гутьеррес. Но ведь ты у нас не по женщинам, разве не так? Или сейчас ты уже на оба фронта?

Джон качает головой.

— А каков был план,— иронизирует комиссар.— Убрать этого уличного отморозка — охрененная идея. Триста семьдесят пять граммов героина — билет в колонию строгого режима. Без смягчающих обстоятельств, безо всяких историй. Без долгих процедур.

План был отличный. Проблема лишь в том, что Джон счел его настолько хорошим, что решил рассказать о нем

---

¹ Цитата из песни современного испанского рок-певца Хоакина Сабины «Tiramisu de limón».

2. ФЛЕШБЭК

Деси. Чтобы она знала, что этот ее фингал под глазом, и синяки, и сломанное ребро — все это в последний раз. А Деси, будучи под кайфом, возьми да и пожалей своего бедняжку-сутенера. И все ему рассказала. И сутенер велел Деси спрятаться за углом и снимать все на телефон. А видео продали Шестому каналу за триста евро — нате, заберите — на следующий день после задержания сутенера за наркотрафик. И узел затянулся. Новость появилась на первых полосах всех газет, видео — во всех информационных выпусках.

— Я не знал, что меня снимают, комиссар, — смущенно говорит Джон. Почесывает голову, вытягивая рыжие завитушки. Пощипывает густую бороду, дергая за седые волосы.

И вспоминает.

Руки у Деси жутко дрожали, и кадр получился никудышным, но все необходимое она сумела заснять. И ее кукольное личико потом очень хорошо смотрелось в телевизоре. Она бы «Оскара» могла получить за роль девушки невинного бедняги, оклеветанного полицией. А что до сутенера, то его ни в дневных, ни в вечерних передачах не показали в привычном обличье — в майке-алкоголичке, с коричневыми зубами. Нет, они выставили его фотографию десятилетней давности с первого причастия, еще не переваренного. Прямо сбитый с пути ангелочек, во всем виновато общество и прочая чушь.

— Ты опустил репутацию нашего комиссариата ниже плитуса, Гутьеррес. Надо же быть таким дебилом. Наивным дебилом. Ты правда ни о чем не догадывался?

Джон снова качает головой.

Он обо всем узнал, когда получил видео по «Ватсапу» между мемами. Не прошло и двух часов, как оно уже разлетелось по всей стране. Джон сразу явился в